

УДК 94 (47)

Н. Г. Карнишина

СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ В РОССИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ В ПЕРИОД СИСТЕМНЫХ РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Аннотация. Проведен анализ характера взаимодействия столицы и провинции в ходе подготовки и проведения реформ в России в период правления Александра II. Фактор общественного восприятия реформ опосредован в значительной степени характеристиками информационной среды. Информационная среда как сумма источников информации, консолидирующая людей и выступающая инструментом познания человеком мира политики, применительно к пореформенной России XIX в. характеризовалась разделением ее на информационное поле столицы и провинции. В реформаторском процессе 1860–1870-х гг. динамику развития массовых настроений можно представить в виде следующих циклов: «ожидания перемен» конец (1850-х – начало 1860-х гг.); подъем политической активности, прежде всего в столичном обществе (начало и середина 1860-х гг.); спад интереса к политике (вторая половина 1860 г. – 1870-е гг.); политическая апатия как массовое политическое настроение (конец 1870-х – начало 1880-х гг.). Применительно к российской провинции отмечается эффект запаздывания в восприятии и оценке хода и последствий реформ.

Ключевые слова: общественное мнение; унификация административной системы; имперская провинция; конфессиональные, информационные, территориальные критерии.

N. G. Karnishina

CAPITAL CITY AND PROVINCE IN RUSSIA: INTERACTION AND MUTUAL INFLUENCE IN THE PERIOD OF SYSTEM REFORMS OF THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

Abstract. The author analyzes the interaction between the capital city and province in making reforms in Russia in the period of reign of Alexander II. The factor of social perception of reforms is justified by characteristics of information environment. The information environment as the sum of sources of information, which unites people and becomes the instrument of human cognition of the polity in the reforming Russia in XIX century was characterized by dividing it into the information field of the capital and the one of province. In the reforming process of 1860–1870-s the dynamics of development of mass attitude had the following cycles: «expectation of changes» in 1850 – beginning of 1860-s; recession of interest to the policy in the second half of 1860-s – 1870-s; politic apathy as mass politic mood from the end of 1870-s – the beginning of 1880-s. As to the Russian province, the author points out the effect of lateness in the perception and estimation of the course and consequences of reforms.

Key words: public opinion; administrative system unification; empire's province; confessional, information, territorial criterions.

К числу информационных источников, способствовавших расширению взаимодействия и взаимовлияния столицы и провинции в 1850–1880-е гг., следует отнести записки чиновников, подготавливаемые после поездок по стране, официальную и частную переписку, касавшуюся общественно значимых проблем. Интерес к провинции вырос на волне подготовки и проведения крестьянской реформы, при составлении проектов в губернских комитетах, затем он подогревался самим дальнейшим ходом реформ, откликами на нововведения на огромной периферии Российской империи. В последующем, в период «хождений в народ» и отсутствия информации о проблемах и сложностях жизни уездных и губернских жителей, в обществе начало зреть понимание той пропасти, что лежала между центром и периферией.

Историк, сотрудник «Русского Архива» П. Д. Голохвастов в письме к К. П. Победоносцеву от 10 декабря 1879 г., размышляя об отношении народа к политическому положению России, из г. Воскресенска Московской губернии высказал следующие наблюдения об отношении местных жителей к нему: «Живу я тут давно, знаю всяких людей. От меня, старожила, не казенного человека, но и не либерала, здешние люди не таятся. Я, как и многие, конечно, из нас деревенщин, вижу и слышу, знаю многое, но чего и надо бы, да нельзя знать власть имеющим, но чего мы им сообщить ни печатно, ни устно не можем и права не имеем» [1].

Достаточно точно это полное отчуждение столичного жителя от проблем провинции сформулировал публицист, преподаватель Н. А. Зверев в письме к В. А. Гольцеву от 11 июля 1874 г.: «Вы в деревне и Вам тошно. Слава Богу! Теперь Вы своими боками познаете всю сладость деревенского уединения и в будущем, конечно, будете почаще вспоминать своих деревенских друзей. Вы говорите, что глубокое эпическое спокойствие, которым окружила Вас деревня, тяжестью ложится и на Вашу душу, и на Ваш ум, вызывая злобу, с одной стороны, парализуя движение мысли, с другой. Да, деревня так действует на наш дух. И с грустью и бессильной злобой смотрю на свое селение! Все мои упования теперь на Москву. Ни один человек не в состоянии окружить Вас той умственной атмосферой, которой Вы дышите в городе» [2].

К. Д. Кавелин в письме А. Н. Пыпину от 13 июня 1881 г. писал: «Наша жизнь в провинции и деревне есть тина и трущоба, в которой можно задохнуться и заплесневеть без освежения и обновления культурной жизнью. Степень культуры ужасающая, менее всякой данной малой величины. Все это видите на каждом шагу, в малом и великом, в важном и мелочах» [3]. Одновременно в том же 1881 г. в письмах К. Д. Кавелина постоянной доминантой звучала уверенность, что перемены в провинции идут «капельными ручейками, часто невидимо для простого глаза». Осенью 1881 г. он писал: «Мой девиз такой: вся сила в деревне, а деревня никуда не годится, и ничего с ней не поделаешь, пока умственное и нравственное ее развитие не сделается лет на двадцать пять нашей единственной и исключительной заботой, пока на нее не сосредоточатся все наши силы – материальные, умственные и нравственные. Мужик заметно перерождается. Дайте ему школу. Вы его через 20 лет не узнаете, только школа должна быть не греко-восточная; от нее он инстинктивно отворачивается. Ему нужно совсем другое, что ему пока дают одни ереси и секты. Есть и другие хорошие признаки. Культурная молодежь начинает понемногу тянуться в деревню и там работать в хорошем смысле. Это видно

у нас и слышно из других мест. С притоком этих элементов провинциальная и деревенская жизнь переменится к лучшему, а пока она не переменится, не мните, чтобы культурные центры могли одни сделать что-нибудь путное. Как в них теперь, так и останется по-старому» [4].

Это распространившееся среди столичных прогрессивно настроенных общественных деятелей мнение выразил в 1867 г. Б. Н. Чичерин в своем письме к слушателям университета. Он писал, обращаясь к выпускникам: «Страна нуждается в людях в провинции с самостоятельными убеждениями, они составляют для них лучший залог будущего» [5].

На наш взгляд, особую ценность в контексте обратной связи столицы и провинции играл так называемый «взгляд из имения», являвшийся итогом пребывания столичных жителей, как правило, в летний период, в своих имениях и выражавшийся как в форме устных рассказов в столичных салонах в результате обмена впечатлениями об увиденном, так и в виде переписки вплоть до официальных записок чиновников, адресованных царю, в которых они считали своим долгом сообщить свои выводы и предложения. Такая практика была особенно распространена в период подготовки и проведения крестьянской, судебной и земской реформ. В то же время бесспорен факт влияния на местных провинциальных жителей столичных гостей, являвшихся источниками трансляции политического и культурного опыта столицы. «Мостик», который перебрасывали на короткое время столичные чиновники, преподаватели, публицисты, отставные военные между столицей и провинцией, отправляясь в свои имения, был хотя и временным, но несколько сужал ту пропасть, которая разделяла центр и провинцию в такое сложное, динамичное время, каким являлся пореформенный период. В условиях начавшихся реформ, когда информационный голод провинции в узком информационном поле России ощущался особенно остро, гость из столицы являлся источником сведений обо всем происходящем в центре.

Работа видных публицистов Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, В. А. Черкасского в губернских редакционных комитетах, судя по их переписке, рассматривалась ими как представившаяся возможность личного участия в подготовке проекта реформы, а не из соображений местного губернского патриотизма. Практически во всех письмах содержится характеристика участников комитетов и хода обсуждений без анализа провинциального общества и местных условий. Ю. Ф. Самарин писал В. А. Черкасскому из Самары: «Полемика по поводу Вашей статьи временно вывела меня из спокойного расположения духа. Очень может быть, что я ошибаюсь, но мне сдается отсюда, что Вы в комитете во зло употребляете ораторское искусство и дразните благородное дворянство. Теперь я ... взял тем, что всю работу принял на себя. Инициатива перешла совершенно в мои руки благодаря бездарности одних и безграмотности других – моих товарищей» [6].

А. И. Кошелев писал В. А. Черкасскому из Рязани, также в большинстве случаев делясь опытом работы в комитете или обсуждая публикации в столичных изданиях. В письме от 10 декабря 1858 г. он пишет: «У нас дело, кажется, обламывается. Противная партия, в отмщение, предложила полную гласность, т.е. допустить слушателями всех желающих. Некоторые члены заговорили было о том, чтобы впускать одних дворян, но комитет почти единогласно приговорил: всех без исключений. К этому я предложил: все комитетские журналы печатать в Губернских Ведомостях. Из противной партии

кн. Волхонский прибавил: и во всех прочих журналах. Разумеется, я поспешил с этим согласиться. Следовательно, у нас решено в пользу полной гласности. Завтра это определение пойдет к Губернатору, а он представит об этом в Министерство Внутренних дел. Разумеется, все это – холостые заряды, но они же – ружье. Дело гласности все-таки выигрывается. И Правительство, и публика обстреливаются. Противники мне не кланяются и моего присутствия в комитете как бы не замечают. Я держу себя весьма скромно, наблюдаю, в отношении к ним веду ту же политику» [6, с. 30].

Показательным, на наш взгляд, в приведенных отрывках из писем является постоянная ориентация публицистов в их деятельности в губернских комитетах не на реакцию местных жителей, а на отклики столичной печати. В опубликованных ими в конце 1850-х – начале 1860-х гг. статьях и речах, так же как и в частной переписке, велась оживленная полемика с противниками реформ без использования материалов деятельности их губернских комитетов – стремление, по выражению Ю. Ф. Самарина, «публично заявить свое отношение к происходящему», считая при этом свою деятельность в провинции временным, неосновным занятием, отвлекающим от «живого непосредственного участия в делах общества».

Довольно распространенной становится в 1870-х гг. форма путевых заметок, дорожных впечатлений, присылаемых для помещения их в столичных периодических изданиях. Среди публицистов, общественных деятелей, делившихся таким образом своими наблюдениями, можно выделить П. В. Анненкова, К. Д. Кавелина, М. П. Погодина, И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, В. А. Черкасского. Столичная газета «Московские ведомости» охотно публиковала корреспонденции с мест в рубрике «Хроника провинциальной жизни», куда принимались «корреспонденции из разных городов и статьи нраво-описательные». Подобные публикации встречались и в газете «Северная пчела». Не имея постоянной рубрики, эта газета практиковала публикацию тематических очерков корреспондентов из провинции в нескольких номерах с подробным описанием губернского или уездного города. Например, в 1862 г. в «Северной пчеле» была помещена серия очерков о Елабуге.

Журнал «Гражданин» в рубрике «Русская летопись» помещал статьи авторов с мест, занимавшихся изучением различных сторон жизни провинции. Причем характер публикаций на протяжении пореформенного периода менялся от описательного, географически-этнографического, характерного для конца 1850-х – 1860-х гг., к более аналитическому, имевшему четкую тематическую направленность, что было свойственно статьям, датируемым концом 1870-х – 1880-ми гг.

Большое количество писем, дневников, заметок о провинциальной жизни сохранилось в собраниях редакторов столичных изданий: М. Н. Каткова, Е. Ф. Корша, В. А. Гольцева, А. Н. Пыпина, А. И. Кошелева. Большая часть из них так и не опубликована, хотя, например, А. И. Кошелев широко практиковал привлечение подобного рода материалов для опубликования в журнале «Русская беседа», а при подготовке реформы по отмене крепостного права издаваемый им журнал «Сельское благоустройство» организовал полемику на страницах своего издания по вопросу выкупа крестьянами помещичьих земель, полностью построенную на письмах из провинции.

В редакцию «Московских ведомостей» в этот же период помещики, провинциальные чиновники писали письма о настроениях в провинции.

В частности, по поводу «ожидания крестьянами отмены крепостного права, враждебного отношения их и неповиновения помещикам» в Тамбовской губернии встречались следующие отзывы: «Постоянно сообщаются мне беседы лакеев в кухне, говор мужиков на улицах, и я теперь только вижу, как ложны вырабатываемые веками формы раболепства, которыми большинство так близоруко наслаждается и тешится. Крепко нас не любят, глубоко пустила корни злоба. Долго и долго будут напрасны всякие порывы примирения. Я со страхом гляжу на первые годы новых порядков, пока не обойдется и не привыкнет дикий человек к другим формам и быту. Сон и лень крепко охватили эти страны, и, кроме того, приживается какое-то негодяйство, свойственное всякому невежеству» [7]. В другом письме из Кирсанова Тамбовской губернии содержались более резкие отзывы: «Тут невежественно все вместе, заражена вся атмосфера, чего, к сожалению, никто не чувствует: все это слышно только свежему носу. Здешние беспорядки завелись и укрепились веками, вследствие многих исторических причин, и потому уже не кажутся беспорядками. Все, что тешит сердце в Петербурге или Москве, – все это здесь разлетается прахом. Кто слишком замечается, того милости просим сюда, – вот где посмотри!» [7, 9].

В письмах, адресованных лично М. Н. Каткову, авторы выражали беспокойство положением в деревне накануне реформы: «Какая может быть тишина и спокойствие у нас в деревне при хаосе дикого повсюду самоуправства, при отсутствии полиции, неслыханном невежестве народа и части самих помещиков? Никакие томы новых учреждений, которые к тому же отличаются вообще сплошной непрактичностью и незнанием России, долго не поведут ни к чему. Думаю, что вся непрактическая часть заседаний лежит на совести Ростовцева, который действовал свысока, сплеча, вследствие генерал-адъютантских привычек. Особенно поражает невероятное незнание России и нашего крестьянского быта. Вероятно, все так и ведется, без большого беспокойства насчет того, как это примется и войдет в употребление – годится или не годится. Приложится эта история к жизни, конечно, по-своему и совсем не так, как ожидают, т.е. по-прежнему останутся царствовать полнейший произвол и разные дикости. Не проживши в глуши, трудно представить, что за дичайшая дичь наш сельский народ и как все публикуемое перетолковывается и путается с разными собственными фантазиями» [8].

Авторы писем подчеркивали, что только поселившись в провинции, став одним из местных жителей, можно до конца понять, чем живет местный народ. Переписка редакторов столичных изданий со своими подписчиками из провинции показывала спектр умонастроений образованных людей, живших в уездных и губернских городах.

Помимо редакции «Московских ведомостей» большая переписка была у редакции «Русской мысли». Так, чиновник из г. Тулы С. С. Ермолаев в письме от 18 декабря 1889 г., адресованном В. А. Гольцеву, писал: «Вино, цинизм и карты – вот тот всеильный триумвират, в котором мы растрчиваем молодые силы и ищем удовлетворения запросов ума и сердца. Чтобы противостоять общему течению, нужно слишком много нравственной энергии, а поддержки ждать неоткуда. Относительно себя лично я должен приписать случайно сложившимся счастливым обстоятельствам, что я выделился из общего хора, так что я считаю для себя делом стоящим и хлопот, и внимания не давать глохнуть в окружающей меня молодежи тем светлым моментам

стремления к высокому и прекрасному. Достичь этого я считаю всего удобнее через посредство ознакомления с литературой и обращаюсь к Вам, что Вы мне посоветуете предпринять для более основательного знакомства с литературой, а также я бы хотел слышать Ваше мнение о всем вышеизложенном. Вы поймете из моего письма, насколько я одинок в моих стремлениях и насколько драгоценно будет для меня каждое Ваше слово» [9].

Подобные письма очень часто встречаются в архивах крупных столичных газет и журналов. Большую переписку с провинциальными корреспондентами вел в конце 1850-х – 1860-х гг. издатель журналов «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» А. И. Кошелев. В письмах из Рязани, Тулы, Костромы, Курска, Тамбова, частью опубликованных в журнале «Сельское благоустройство», помещики вели полемику по вопросу выкупа крестьянами помещичьих земель, делились возникавшими по ходу крестьянской реформы проблемами. А. И. Кошелев, как правило, обстоятельно отвечал на письма, пытаясь развеять звучавшее в них неверие, что «писанное на бумаге исполнится на деле» [10].

Реформы 1860-х гг., особенно отмена крепостного права, затронули провинцию больше, чем столицу, в силу их социальной направленности и специфики проведения. Если применительно к столичным городам мы отмечали массовые настроения охлаждения к инновациям, разочарования в них уже применительно к концу 1860-х гг., то провинция в силу ограниченности возможностей трансляции информации эту цепочку «ожидания перемен – оживления интереса к политике – разочарования в происходящем» переживала позже и в гораздо более замедленном темпе. Образованные люди провинции, видя недостатки коммуникационных и трансляционных возможностей как бюрократического, так и конфессионального каналов, на фоне усиления контролирующих функций полиции и местной администрации, на фоне сохранения массовых настроений усиления интереса к политике, видели в редакторах столичных периодических изданий заинтересованных и просвещенных собеседников. Потребность в обратной связи с властью, инициирующей реформы, выражалась в различных социальных слоях по-разному. Читающая публика уездных и губернских городов в своих письмах, записках, очерках, присылаемых в редакции, тем самым стремилась не только приблизиться к столичной жизни, но и заявить о себе, поделиться проблемами, занимавшими местное общество, надеясь на резонанс, который могла произвести публикация в периодическом издании писем с жалобами на местные беспорядки. Период 1850–1880-х гг., насыщенный различными событиями во внутренней и внешней политике России, давший толчок в развитии политической культуры столичных жителей, по периферии прошел поверхностно, не затронув самых основ жизни жителей глубинки, воспринимавших все происходящее опосредованно, как бы в отрыве от их повседневной жизни. Даже реформа по отмене крепостного права, непосредственно затронувшая экономические интересы провинциального дворянства, не произвела коренного поворота в сознании землевладельцев, которые по прошествии двух десятков лет, воспользовавшись замешательством в обществе после убийства Александра II, дружно заговорили о необходимости возрождения в полной мере дворянских привилегий и влияния на местах. В своих обращениях в столицу дворяне использовали как привычные формы официальных записок и писем правительственным чиновникам и лично царю, так и возможно-

сти, которые открылись с распространением различных печатных изданий в пореформенный период, о чем, в частности, свидетельствует обширная корреспонденция с мест в редакции «Московских ведомостей», «Гражданина» и т.д.

Образованность в провинции накануне реформ рассматривалась как социальная привилегия, как элитарная принадлежность к столичному обществу, в котором также наметились пути расширения диалога правящей элиты с населением ввиду подготовки проектов реформ. Уже к концу 1860-х гг. возможности такого диалога оказались исчерпанными, и бюрократия вернулась к привычным, циркулярным формам обратной связи с населением, но социальные подвижки, происшедшие в провинции с начала 1860-х гг., уже не позволяли полностью отойти от приоткрытых возможностей участия в обсуждении вопросов общегосударственного значения. Социальный поток информации, связанной с политикой, был опосредован как характеристиками каналов коммуникации от центра по периферии, так и возможностями взаимодействия внутри самих социальных групп в контексте определенной информационно-среды и политической культуры общества, включающей в себя сложившийся стиль деятельности органов государственной власти, ценностные установки и предпочтения людей.

Список литературы

1. НИОР РГБ (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 77. К. 111. Д. 24. Л. 14.
2. НИОР РГБ. Ф. 77. К. IV. Д. 4. Л. 26.
3. ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 226. Оп. 1. Д. 92. Л. 35, 36.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 698. Оп. 1. Д. 219. Л. 112.
5. ОР РНБ. Ф. 587. № 10. Л. 2.
6. НИОР РГБ. Ф. 265. К. 31. Д. 1. Л. 29.
7. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1939. Л. 1.
8. НИОР РГБ. Ф. 77. К. XII. Д. 11. Л. 3.
9. НИОР РГБ. Ф. 465. К. 2. Д. 78. Л. 1, 2.
10. НИОР РГБ. Ф. 120. Оп. 3. Д. 1150. Л. 4.

References

1. *NIOR RGB* (Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki) [Research department of manuscripts of the Russian state library]. F. 77. K. 111. D. 24. L. 14.
2. *NIOR RGB*. F. 77. K. IV. D. 4. L. 26.
3. *OR RNB* (Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki) [Department of manuscripts of the Russian national library]. F. 226. Op. 1. D. 92. L. 35, 36.
4. *GARF* (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii) [State archives of the Russian Federation]. F. 698. Op. 1. D. 219. L. 112.
5. *OR RNB*. F. 587. no. 10. L. 2.
6. *NIOR RGB*. F. 265. K. 31. D. 1. L. 29.
7. *GARF*. F. 109. Op. 3. D. 1939. L. 1.
8. *NIOR RGB*. F. 77. K. XII. D. 11. L. 3.
9. *NIOR RGB*. F. 465. K. 2. D. 78. L. 1, 2.
10. *NIOR RGB*. F. 120. Op. 3. D. 1150. L. 4.

Карнишина Наталья Геннадьевна
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Karnishina Natal'ya Gennad'evna
Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of state legal
disciplines, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 94 (47)

Карнишина, Н. Г.

**Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние
в период системных реформ второй половины XIX в. / Н. Г. Карнишина //**
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 5–12.